

Г.Г. Пятых

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ДЕРЕВЯННЫХ
ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ ЗАВОЛЖЬЯ

Поскольку обычай захоронения в простых ямах в Поволжском и всех соседних регионах был наиболее распространен практически во всех культурах эпохи средней бронзы, то он мог быть унаследован срубной культурой от практически любых культурных образований, ранее сложившихся на Дону, Волге или в Приуралье. Вероятнее всего, с периода ямной культуры при всех передвижениях и смешениях разнокультурных групп населения, завершившихся их оформлением в новые общества, данный обычай попросту не претерпевал принципиальных изменений, в эпоху средней бронзы сосуществуя с могилами катакомбной конструкции в одних и тех же обществах.

В силу этого обстоятельства традиция захоронения в простых ямах в рамках проблемы происхождения наиболее существенных характеристик срубной культуры выглядит довольно индифферентным показателем, и едва ли сможет служить индикатором, способным выявить главные истоки оформления срубной культуры.

Из этого вытекает, что значительно более существенную роль в анализе могут сыграть специфические конструкции и детали погребальных сооружений, а именно деревянные конструкции.

Хотя деревянные сооружения встречаются в меньшинстве случаев, они представляют собой одну из характерных черт срубной культуры, даже свое название получившей как раз из-за их наличия в погребениях. И в силу данного обстоятельства выяснение истоков происхождения этой традиции в обществе носителей заволжской срубной культуры способно сыграть существенную роль в решении более общей проблемы происхождения срубной культуры Заволжья.

В течение длительного периода проблема решалась в рамках традиционной схемы происхождения срубной культуры от "полтавкинской культуры" позднего этапа. Так, О.А. Кривцова-Гракова по этому поводу писала, что в громадном большинстве срубных погребений умерших все так же хоронят в простых ямах, почти всегда сверху накрытых деревом, и что подобное устройство могил в срубной культуре Поволжья держится до конца бронзового века (*Кривцова-Гракова, 1955. С. 17*).

Для исследовательницы представлялось очевидным, "...что могилы срубной культуры и связанные с ними погребальные обряды полностью сложились еще в Поволжье и проникли в приазовские и причерноморские степи в уже вполне установившемся виде" (*Кривцова-Гракова, 1955. С. 20*).

Более детальное ознакомление с проблемой удерживает от категоричности выводов. Согласно данным Н.К. Качаловой, во второй, поздней группе "полтавкинской культуры", по логике хронологически будто бы непосред-

ственно предшествующей срубной, погребения, как правило, не имеют деревянного наката (Качалова, 1965. С. 90). В качестве исключения Н.К. Качалова приводит только два случая – погребение 15 кургана 12 у Политотдельского и погребения 6 кургана 3 Бережновского 1 могильника (Качалова, 1965. С. 90). Но в погребении 15 кургана 12 у Политотдельского есть сосуд такой формы (Смирнов, 1959. Рис. 22, 17), которая в свете современных представлений не позволяет отнести данное погребение не только к “полтавkinской культуре”, но и к полтавkinскому времени вообще.

Следовательно, исключение остается единственным. Из этого вытекает, что для Нижней Волги выведение традиции деревянных погребальных сооружений из “полтавkinской культуры” выглядит по меньшей мере проблематичным.

Аналогичная картина наблюдается и в северной части Заволжской степи. Согласно суммированным И.Б. Васильевым данным, и в этом районе на “позднеполтавkinском этапе” могильные ямы становятся меньше и мельче, а подкурганые и внутримогильные конструкции исчезают (Васильев, 1979. С. 46).

Констатация этого факта, впрочем, не повлияла на заключение И.Б. Васильева о генетических истоках поволжской срубной культуры, судя по тому, что наряду с другими элементами, будто бы унаследованными срубной культурой от “полтавkinской”, исследователь упоминает и деревянные накатники.

Действительно, для погребений раннего этапа срубной культуры Самарского Заволжья считаются типичными большие размеры могильных ям и деревянные сооружения, иногда усложненных конструкций (Аганов и др., 1983. С. 11). Почти аналогичная картина характерна и для раннесрубных погребений Саратовского и Волгоградского Заволжья.

Однако если, согласно фактам, суммированным самим И.Б. Васильевым, позднеполтавkinские погребения как Самарского, так и Нижнего Заволжья характеризуются тем, что “...все подкурганые и внутримогильные конструкции исчезают” (Васильев, 1979. С. 46), то ко времени сложения срубной культуры традиции, присущие раннеполтавkinскому периоду, уже не должны были существовать. Следовательно, выведение этой традиции из раннеполтавkinской требует раскрытия механизма такого опосредованного наследования – хотя бы на уровне гипотезы. Однако за прошедшие десятилетия такой гипотезы никто так и не выдвинул.

При этом необходимо рассмотреть одно обстоятельство. Поскольку разделение материалов среднего бронзового века Поволжья на “раннеполтавkinские” и “позднеполтавkinские” было произведено без достаточных стратиграфических оснований, лишь на уровне типологии, то вполне можно предположить, что периодизация внутри полтавkinского этапа носит искусственный характер, что все памятники этого периода (или их выраженное большинство) практически одновременны, и что размеры могил и наличие или отсутствие в них деревянных конструкций объясняется социальным положением погребенных в них лиц, а не изменением погребальной традиции во времени.

Поэтому вполне возможно, что “раннеполтавкинские” памятники, для которых деревянные конструкции более характерны, расположены во времени столь же близко к раннесрубным, что и “позднеполтавкинские”. Это позволяет на принципиальном уровне ставить вопрос о том, что по меньшей мере традиция деревянных сооружений могла быть унаследована срубной культурой от “полтавкинской”.

Однако и при такой постановке вопроса полтавкинский вариант не получает преимуществ, поскольку кроме наличия хронологического разрыва между памятниками полтавкинского этапа и раннесрубными существуют еще два факта: хронологическое вклинивание между этими культурами абашевской культуры и отсутствие общей культурной преемственности от “полтавкинской культуры”, будь то ранней или поздней, к срубной.

Последний факт не менее существен, чем два предыдущих. Если бы по всем другим основным характеристикам – элементам погребального обряда, формам керамики, орнаментам, типам металлических и иных изделий – прослеживались бесспорные параллели между срубной культурой и полтавкинской, пусть даже раннего этапа, то это было бы достаточным основанием для предположения об унаследовании срубной культурой от полтавкинской и традиции подкурганых деревянных сооружений. Однако сопоставление всех основных характеристик этих культур между собой показывает их несхожесть с такой очевидностью, которая вынуждает констатировать ее даже самых последовательных сторонников полтавкинской концепции.

Таким образом, для заключения о наследовании срубной традиции деревянных погребальных сооружений от “полтавкинской культуры” нет даже отчетливо выраженной тенденции, способной служить неким общим фоном, позволяющим выдвигать гипотезу о полтавкинском культурном наследии деревянных сооружений на основе общей направленности культурных влияний.

Существует и еще одно серьезное обстоятельство. Поскольку В.И. Мельник привел факты катакомбной в основе принадлежности большинства памятников полтавкинского этапа и обосновал положение о том, что лишь небольшая часть этих памятников, являясь, по определению В.И. Мельника, “культурой-дериватом”, в культурном отношении примыкает к ямным древностям, то из этого следует, что если какие-либо некатакомбные культурные образования средней бронзы Заволжья хронологически и примыкают к местной срубной культуре, то это не “полтавкинская культура” в понимании Н.К. Качаловой и И.Б. Васильева, а финально-ямные древности.

Все эти факты, наряду с фактами существования здесь абашевских (по А.Д. Пряхину) памятников в раннем горизонте позднего бронзового века – типа основного погребения кургана 11 у Скатовки – и для нижнего течения Волги делают необоснованным выведение традиции деревянных погребальных сооружений напрямую из традиций преимущественно полтавкинского этапа.

В свете всех перечисленных фактов и обстоятельств, даже при самой общей постановке вопроса о длительности бытования на заволжской территории традиции деревянных погребальных сооружений начиная с ямного времени, неизбежно должен быть решен вопрос: если традиция сооружения

деревянных конструкций в захоронениях эпохи бронзы Волги с эпохи ямной культуры до срубного времени не прерывалась, через посредство носителей каких конкретных культур могло произойти наследование данной традиции носителями срубной культуры?

Обратимся к материалам. Развитые формы деревянных погребальных сооружений хорошо представлены в абашевской культуре Дона и Волго-Донского междуречья, где отмечаются многочисленные случаи мощных деревянных перекрытий, в том числе с вертикальными столбами для их поддержания (Пряхин, 1977. С. 39).

В абашевской культуре среднего течения Волги перекрытия из бревен и плах не отмечены, имеющиеся же деревянные конструкции принципиально иного рода – могильные ямы облицовывались тесно забитыми кольями (Мерперт, 1961. С. 146).

Деревянные перекрытия встречаются в абашевской культуре Приуралья (Горбунов, 1977. С. 14), а также широко представлены в памятниках, относимых к культуре многоваликовой керамики (Ковалева и др., 1978. С. 7, 8; Ковалева, Ромашко, Андросов, 1979. С. 32, 33; Чернявская, 1979. С. 89–91; Горлач, 1979. С. 61; Телегин, Братченко, Смирнов, 1977. С. 109). Рассмотрим, можно ли связать происхождение погребальных деревянных сооружений срубной культуры Поволжья с какой-либо из перечисленных культурных групп.

Для анализа была взята выборка из 426 погребений из памятников Нижней Волги, известных по литературе и традиционно считающихся срубными. Среди них набралось около 60, в которых фиксировались хоть какие-то следы дерева (более точную цифру не удалось установить из-за суммарной подачи данных в некоторых публикациях). Значительную часть из этих 60 погребений составляют погребения Покровского могильника, которые В.И. Сагайдак выделил в отдельную группу и привел обоснования их принадлежности к абашевской культуре (Сагайдак, 1979. С. 57–66). Если не абашевская принадлежность этой группы погребений, то наличие в группе абашевских элементов отмечалось и другими исследователями (Качалова, 1976. С. 14–15; Пряхин, 1977. С. 34).

При этом следует отметить обстоятельство значительной важности: материалы Покровских курганов долгие годы не просто относились исследователями к срубной культуре, но и считались эталонным срубным памятником.

В.И. Сагайдак констатирует, что чертами, характеризующими относимые к абашевской культуре погребения, являются большие размеры могильных ям, наличие перекрытий из колотых бревен, иногда с добавлением хвороста, деревянных конструкций в виде столбов или ящичного типа (“срубов”), нередкое наличие органических подстилок на дне, слабоскорченное положение погребенных, обычно ориентированных на север или северо-запад, свидетельства тризн или жертвоприношений и следы использования огня в погребальных обрядах – в виде золы, углей, кострищ; наличие характерной для абашевской культуры керамики и иного инвентаря (Сагайдак, 1979. С. 57, сл.). Остальные погребения со свидетельствами деревянных конструкций представлены в таблице 1.

Таблица 1. Деревянные сооружения срубных погребений Нижней Волги

Памятник	Курган	Погребение	Источник
Быково 1	1	1	<i>Смирнов</i> , 1960. С. 171
	1	5	Там же. С. 173–174
	9	3	Там же. С. 196
	9	4	Там же. С. 196
	13	6	Там же. С. 207
Бережновка 1	5	10	<i>Синицын</i> , 1959. С. 69
	25	6	Там же. С. 89
Бережновка 2	62	5	<i>Синицын</i> , 1960. С. 62
	62	7	Там же. С. 65
	63	8	Там же. С. 68
	64	1	Там же. С. 68
	80	4	Там же. С. 79–80
	80	11	Там же. С. 82
	87	2	Там же. С. 88
	88	3	Там же. С. 88
	88	4	Там же. С. 88
	88	5	Там же. С. 89
	89	5	Там же. С. 90
	89	9	Там же. С. 90
	90	1	Там же. С. 92
	90	2	Там же. С. 92
	90	3	Там же. С. 92
	90	5	Там же. С. 93
	90	8	Там же. С. 93
91	2	Там же. С. 94	
91	3	Там же. С. 95	
92	1	Там же. С. 95	
93	1	Там же. С. 95	
94	2	Там же. С. 96	
Бережновка, Южная группа	6	3	Там же. С. 115
Молчановка, Сев.-вост. В группа	1	6	Там же. С. 126
	1	7	Там же. С. 126
Новая Молчановка	1	3	Там же. С. 130
	3	1	Там же. С. 132
	5	1	Там же. С. 134, 135
“Ямки”	3	7	Там же. С. 142
Черебаево	5	3	<i>Синицын</i> , 1959. С. 49
Краснополье	2	4	Там же. С. 157
Скатовка	10	2	Там же. С. 166
	11	Основное	Там же. С. 168

Таблица 1 (окончание)

Памятник	Курган	Погребение	Источник
Иловатка, Сев.-вост. группа	3	2	<i>Смирнов</i> , 1959. С. 227
Иловатка, Южная группа	2	7	Там же. С. 214
Политотдельское	4	19	Там же. С. 243
	12	9	Там же. С. 266
Ровное	7	4	Там же. С. 48
Станция Карамыш	1	1	<i>Максимов</i> , 1956. С. 115.
Старый Чардым	1	9	<i>Качалова</i> , 1976. С. 16–17
Макаровка	G 1	1	<i>Синицын</i> , 1947. С. 69–71
		4	Там же. С. 77–78
	G 2	5	Там же. С. 78–79
		6	Там же. С. 81–82
		3	Там же. С. 85
Усатово	G 5	8	Там же. С. 99
Максютово	3	3	<i>Синицын</i> , 1958. С. 298

Во многих из этих памятников настолько выражены абашевские элементы, что исследователи относят их либо непосредственно к доно-волжской, по А.Д. Пряхину, абашевской культуре, либо к “смешанным”, “срубно-абашевским” памятникам. Например, А.Д. Пряхин к абашевским и срубно-абашевским отнес: комплекс кургана 11 у Скатовки; погребение 8 кургана G 5 Усатовского могильника; погребение 3 кургана 9 могильника Быково 1; погребение 4 кургана 80 могильника Бережновка 2, основное погребение кургана 6 на р. Саратовке; погребение 6 кургана 25 могильника Бережновка 1; погребение 7 кургана 2 Южной группы и погребение 2 кургана 3 северо-восточной группы у Иловатки; часть погребений кургана 3 у Максютотова; погребение 4 кургана 7 у с. Ровное (*Пряхин*, 1977. С. 32–37).

Последний памятник относит к срубно-абашевским и Н.К. Качалова (1976. С. 14–15). Эта же исследовательница относит к погребениям с абашевскими элементами: погребение 4 кургана 3 могильника Быково 2; погребение 1 кургана 1 у станции Карамыш и погребение 9 кургана 1 у Старого Чардыма (*Качалова*, 1976. С. 16–17).

На Нижней Волге абашевские элементы есть еще в нескольких комплексах с деревянными перекрытиями. Это погребение 3 кургана 5 у Черебаева, где погребенный находился на спине с завалом на левый бок, одна рука протянута к ногам, другая поперек живота (*Синицын*, 1959. Рис. 3, 4). Подобные погребения с положением скелетов на спине с поворотом на бок, в позе слабоскорченно на боку, с одной рукой вытянутой вдоль, другой согнутой, характерны для абашевской культуры Дона (*Пряхин*, 1977. С. 39) и культуры многоваликовой керамики.

В этом же контексте следует отметить и погребение 5 кургана G 5 у Макаровки, где один из сосудов имел валик по ребру. На дне этого погребения

ния были меловая подсыпка, органическая подстилка, охра (*Синицын*, 1947. С. 80, сл. Табл. V, 3).

Сосуд с вертикальными зачесами под венчиком был в погребении 6 кургана G 2 (*Синицын*, 1947. С. 82, рис. 57), дно ямы которого было посыпано мелом.

К погребениям с абашевскими чертами можно отнести и погребение 4 кургана 2 у Краснополя, в котором был нож с подромбическим окончанием черенка (*Синицын*, 1959. Рис. 53, 6). Сосуд, покрытый расчесами, был в основном погребении 2 кургана 10 у Скатовки (*Синицын*, 1959. С. 166, рис. 58, 1).

В погребении 5 кургана 1 могильника Быково 1 был сосуд с раковиной в глине, с расчесами зубчатым штампом и с широким желобком под венчиком, каменная булава, костяная орнаментированная втулка, и погребение сопровождалось захоронением двух коней (*Смирнов*, 1960. Рис. 1, 4–6).

В погребении 3 кургана 9 того же могильника погребенный находился на спине, при нем были подвеска абашевского типа, сосуд с большой примесью раковины (*Смирнов*, 1960. С. 196, рис. 10, 8).

В погребении 4 того же кургана найдены сосуд подколоколовидной формы с вертикальными и косыми бороздами, деревянный сосуд и нож с очень широким черенком (*Смирнов*, 1960. С. 196–197, рис. 10, 10–12).

В погребении 3 кургана 13 при погребенном в скорченном положении на спине были два сосуда, на одном из которых нанесены вертикальные борозды, орнамент на другом выполнен мелкозубчатым штампом (*Смирнов*, 1960. С. 207, рис. 14, 15, 16).

Остатки деревянной чаши были и в погребении 10 кургана 5 Бережновского 1 могильника (*Синицын*, 1959. С. 69). Согласно выводам специального исследования, находки деревянной посуды в раннесрубных памятниках Поволжья являются свидетельствами западных культурных влияний – вероятнее всего, абашевской и культуры многоваликовой керамики (*Пярых*, 1984. С. 146, сл.).

В погребении кургана 64 могильника Бережновка 2 был нож с подромбическим окончанием черенка (*Синицын*, 1960. С. 68, рис. 25, 11), данный элемент квалифицируется А.Д. Пряхиным как признак доно-волжского абашева.

В погребении 2 кургана 87 находился сосуд с взаимно пересекающимися расчесами, выполненными зубчатым штампом (*Смирнов*, 1960. Рис. 31, 7). Основное погребение 2 кургана 90 могильника Бережновка 2 имело рядом с собой кострище, на перекрытии – ноги и челюсти коровы, кроме того, в комплекс входили каменная булава и нож (*Синицын*, 1960. С. 92, рис. 35, 1, 2).

В погребении 2 кургана 91 руки погребенного, находившегося на органической подстилке, были протянуты вперед, т.е. он был в позе, характерной для катакомбных культур, а среди сосудов один имел выраженную биконическую форму (*Синицын*, 1960. С. 96, рис. 34, 10).

В погребении 2 кургана 94 один из сосудов – абашевского (доно-волжского) типа (*Синицын*, 1960. Рис. 34, 17).

В погребении 3 кургана 1 у Новой Молчановки был нож с подромбическим окончанием черенка и бронзовый предмет серповидной формы (*Синицын*, 1960. Рис. 35, 4, 5).

Следует отметить, что большинство комплексов с абашевскими элементами, упомянутые выше, имеют и другие общие черты – обычно это значительные размеры ям, часто наличие органической подстилки, следы использования огня в погребальных обрядах, несколько реже – следы использования охры и мела.

Показательно, что некоторые черты, считающиеся характерными для абашевской культуры, еще в большей степени распространены в культуре многоваликовой керамики и катакомбных культурах – это кенотафы, находки каменных полированных топоров и булав, наличие остатков жертвенных животных в ямах, рядом с ямами и на перекрытиях, наличие органических подстилок и некоторых специфических форм керамики и орнаментов.

Таким образом, на территории Нижнего Поволжья погребения с деревянными перекрытиями, имеющие элементы абашевской культуры, а возможно, культур многоваликовой керамики и позднекатакомбных, количественно явно преобладают над погребениями с перекрытиями без сколько-нибудь выраженных элементов этих культур.

Аналогичная картина наблюдается в северной части заволжской степи и южных пределах лесостепи. На этой территории по публикациям было учтено 658 срубных погребений всех периодов, из них более 100 с перекрытиями или следами перекрытий. Значительное количество этих погребений имеет те же особенности, что и погребения с абашевскими чертами с территории Нижней Волги, о которых писалось выше. Здесь тоже деревянные накатники сочетаются с большими размерами ям, наличием органических подстилок, следами использования огня в ритуалах, нередкими находками меловых подсыпок и охры, керамики абашевского облика, либо такой, в форме, орнаменте, примесях или обработке поверхности которой проявляются абашевские традиции, или с инвентарем, тоже соотносимым с абашевской культурой. Погребенные обычно находятся в слабоскорченном положении, но в таких погребениях встречаются и все позы, имеющиеся в погребениях с деревянными перекрытиями на Нижней Волге, а также в абашевской и культуре многоваликовой керамики – скорченные на боку, на спине с поворотом в ту или иную сторону, с положением рук у лица, с одной протянутой к коленям, другой согнутой в локте, встречаются ориентировки на северо-запад и запад при некотором общем преобладании ориентировок в северный сектор круга.

Очень ярко такие черты проявляются в Ишеевском (*Буров*, 1974. С. 7, сл.), Новопавловском (*Мажанова*, 1976а. С. 1, сл.); в погребениях курганов 1 и 2 у с. Песочное (*Зудина*, *Скарбовенко*, 1985. С. 5, сл.), ряде погребений Неприкского и Широченского могильников (*Васильев*, 1975. С. 22–31, рис. 1–10).

К памятникам с элементами донских культурных образований можно отнести и погребения 1 и 3 кургана 4 могильника “Золотая Нива” (*Мажанова*, 1976б. С. 6–8, рис. 38; 40), погребения курганов 1 и 2 у с. Песочное (*Зудина*,

Скарбовенко, 1985. С. 51–54, рис. 5, 8), в которых были остатки деревянных сосудов и нож, типологически близкий двум ножам из клада на Царевом кургане (*Корневский*, 1977. Рис. 5, 6, 7).

В контексте проблемы особый интерес представляют погребения 1 и 2 кургана 3 у Песочного, где в погребении 2, более раннем, был нож, по форме близкий ножам позднекатакомбной или культуры многоваликовой керамики (*Зудина*, *Скарбовенко*, 1985. Рис. 5, 12), а в погребении 1 – сосуды с выраженными абашевскими чертами (*Зудина*, *Скарбовенко*, 1985. Рис. 6, 9, 10).

Донские культурные элементы просматриваются и в комплексах погребения 2 кургана 27 и в погребении кургана 28 Сосновского могильника (*Агапов*, 1976. Рис. 69; 73; 74; 76), в погребении 3 кургана 6 Белозерского могильника, где в обширной яме погребенный лежал на подстилке с завалом на спину, был посыпан мелом, сопровождался ножом архаичной формы, в погребении прослеживались следы огня (*Жигулина*, 1977. С. 13, рис. 57).

В кургане 5 Калиновского могильника (Безенчукский р-н Самарской обл.) под насыпью было захоронение двух коней, “тризна”, в погребениях имелись сосуды с абашевскими чертами, следы охры и мела (*Тихомолова*, 1976. С. 3, сл., рис. 2, сл.). “Срубно-абашевские” погребения с деревянными перекрытиями также есть в могильниках у с. Кротовка, у с. Подстепки, в кургане у с. Ягодное (*Кузьмина*, 1979. С. 95), а также в могильнике Новый Ризадей 1 под Сызранью (*Пятых*, 1984. С. 216, сл., рис. 2, 5). Таким образом, приведенные данные отчетливо согласуются с тенденцией, отмеченной для Нижней Волги.

К малочисленным типам погребальных сооружений в срубной культуре Поволжья относятся конструкции ящичного типа – “срубы”, обкладки стен могильных ям деревом и так называемые “домики”. Малочисленность в Поволжье деревянных сооружений ящичного типа констатируется давно (см., например: *Кривцова-Гракова*, 1955. С. 18, 20). В настоящей работе учтены следующие комплексы с сооружениями такого типа, включая погребения с обкладками стен ямы (табл. 2). Еще один “сруб” есть при погребении 1 кургана 1 у Мазуровки, но ознакомиться с данным комплексом не удалось.

Обращает на себя внимание то, что лишь часть “срубов” помещена в ямы – это “срубы” из Покровских курганов, из погребения у Макаровки, предполагаемая конструкция ящичного типа из погребения 2 кургана 3 северо-восточной группы у Иловатки, основное погребение 2 кургана 5 у Бородаевки, обкладка стенок в погребении 3 кургана 2 у Неприка, в погребении 3 одиночного кургана у Ягодного, погребении 2 кургана 2 у Вислой Дубравы. В остальных памятниках, судя по публикациям и отчетам, “срубы” находились выше древней поверхности.

Ряд комплексов со “срубами” также содержит абашевские элементы. Это два погребения из Покровских курганов (*Качалова*, 1976. С. 14–15), погребения 1 и 2 кургана 3 северо-восточной группы у Иловатки (*Смирнов*, 1959. Рис. 9, 2, 3, 5), к срубно-абашевским О.В. Кузьмина относит и погребения одиночного кургана у Ягодного (*Кузьмина*, 1979. С. 92).

Таблица 2. Деревянные погребальные сооружения усложненных типов

Памятник	Курган	Погребение	Источник, примечания
Макаровка	1	1	<i>Синицын</i> , 1947
Покровск	7	3	<i>Качалова</i> , 1976
	15	3	Там же
Иловатка, СВ группа	3	2	<i>Смирнов</i> , 1959
Бородаевка	5	2	<i>Синицын</i> , 1947
Подстепки 2	1	2	<i>Жигулина</i> , 1976
	1	10	Там же (обкладка стен)
Белозерка	1	2	Там же
Кайбелы	23	38	<i>Мерперт</i> , 1958
Вислая Дубрава	1	8	<i>Агапов</i> , 1976
Нижнее-Озерецкий	7	1	<i>Агапов</i> , 1975
Ягодное, Одиночный		1	<i>Кузьмина</i> , 1979
Неприк	2	3	<i>Васильев</i> , 1975 (обкладка)
Вислая Дубрава	2	1	<i>Агапов</i> , 1975 (частичная облицовка, 7 вертикальных бревен)

Погребение с обкладкой из кургана 2 у Неприка безынвентарно, но ряд фактов (конструктивное и обрядовое единообразие) позволяет заключить, что могильник в целом оставлен одной группой населения, в культуре которого прослеживаются абашевские и в целом западные элементы. Это нож с раскованной пяткой, небольшие подвески в полтора оборота, костяные пряжки с двумя и одним отверстием и сосуды, аналогии которым в большинстве происходят из абашевских и катакомбных комплексов (*Васильев*, 1975. Рис. 6; 7; 9). Твердые заключения о комплексах из “срубов” у Вислой Дубравы и Белозерки сделать трудно – погребение у Вислой Дубравы разрушено, в погребении у Белозерки скелет не прослежен, в отношении этого комплекса можно лишь отметить, что в глине одного из сосудов была примесь раковины (*Жигулина*, 1977. С. 26, сл.).

Таким образом, примерно в половине комплексов с конструкциями ящичного типа прослеживаются элементы абашевской культуры, т.е. проявляется та же тенденция, что и в комплексах погребений с накатниками.

К малочисленной категории погребальных сооружений относятся так называемые “домики”, в том числе и построенные с использованием хвороста. К подобным объектам можно отнести обширное сооружение в кургане 11 у Кайбел (*Мерперт*, 1958. Рис. 5; 5 а; 7), сооружение в кургане G 2 у Макаровки, исследованное в 1920-е годы П. Рау (*Синицын*, 1947. С. 72–74, рис. 46), шалаш из прутьев и луба в “большом погребении” кургана 3 могильника у Водянского поля, исследованного В.А. Городцовым (*Попова*, 1953. С. 60); сложную конструкцию в кургане 7 у Камышевахи (*Городцов*, 1907. Рис. 97, 98).

Вероятно, “срубы”, находящиеся на древней поверхности, при строгом подходе должны занять промежуточное положение между конструкциями ящичного типа, помещенными в яму, и “погребальными домиками”.

Для решения проблемы происхождения сложных погребальных сооружений ящичного типа и так называемых домиков существенное значение имеет не только присутствие в комплексах инокультурных элементов, но и количественное соотношение таких сооружений на различных территориях.

Более всего погребальных сооружений сложных конструкций встречается в культурах, расположенных к западу от Волги – на Дону, в бассейне Северского Донца и в Поднепровье. В этом регионе погребальные сооружения сложных типов встречаются в памятниках абашевской, многоваликовой керамики и раннесрубной культур. Однако в абашевской культуре случаи обкладки стен деревом хотя и есть, но они немногочисленны.

По меньшей мере проблематична связь происхождения традиции сооружений ящичного типа в Поволжье и со средневожской абашевской культурой, в которой, как отмечалось выше, имеющиеся в некоторых погребениях облицовки выполнены из деталей иного типа и при помощи принципиально иного технического приема – тесной забивки кольев (*Мерперт*, 1961. С. 146), и в аспекте культурно-генетического наследования в данном случае может играть роль лишь сам факт традиции сооружения деревянной камеры внутри могильной ямы.

Что касается “классических” “срубов” – т.е. сооружений ящичного типа, открытых В.А. Городцовым на Северском Донце, то подобные для абашевской культуры Дона, видимо, не характерны. А.Д. Пряхин сообщает лишь об облицовке ям, к тому же уточняет, что свидетельства таковой фиксируются лишь в отдельных случаях (“иногда”) (*Пряхин*, 1977. С. 39).

В отношении абашевской культуры Приуралья В.С. Горбунов сообщает о 9% случаев обкладки стен ям деревом, единичны в этой культуре и случаи ящичных конструкций из дерева, но могильных ям, обложенных изнутри камнем, В.С. Горбунов насчитал более 34%, при этом исследователь выделяет тип конструкции могилы с каменной обкладкой, внутри которой помещен деревянный сруб (*Горбунов*, 1977. С. 14). Таким образом, у носителей абашевской культуры Приуралья традиция погребальных сооружений ящичного типа была достаточно распространена, хотя чаще воплощалась в конструкциях из камня.

Следовательно, к культурным образованиям, для которых погребальные сооружения ящичного типа наиболее характерны, можно отнести абашевскую культуру Приуралья и культуры бассейна Северского Донца и Днепровского Левобережья. На двух последних территориях сложные погребальные сооружения ящичного типа из дерева и камня имели значительно более широкое распространение, чем на Волге (*Евдокимов*, 1977. С. 85; *Ковалева и др.*, 1978. С. 5, 7; Табл. 5; 7; 11; *Чернявская*, 1979. С. 89–91; *Горлач*, 1979. С. 61; *Телегин, Братченко, Смирнов*, 1977. С. 100, 109, 116, 118, 121–122; *Писларий*, 1975. С. 89–90; *Отрощенко*, 1981. С. 10, 12; *Телегин, Братченко*, 1977. С. 12).

Аналоги так называемым “домикам” также отыскиваются к западу от Волги – это двускатная погребальная камера курганов у Лейбингена (*Монгайт*, 1974. С. 54–55).

Факт наибольшего распространения сложных деревянных (и подобных им каменных) погребальных конструкций на западе срубной области весьма существен. Если в какой-то части ареала той или иной культурной области одна из культурных традиций встречается значительно чаще, то это указывает на центр бытования такой традиции, из которого, вероятнее всего, она и распространилась в другие районы.

Поскольку это обстоятельство играет важную роль в логической структуре анализа, данные по поздней бронзе Поволжья были сопоставлены с данными сравнительной выборки материалов с территории Днепровского Левобережья. Как и при работе с поволжскими материалами, в состав выборки были включены материалы, отнесенные авторами к срубной и культуре многоваликовой керамики, без разнесения их по периодам (табл. 3).

Согласно данным этой выборки, погребения с теми или иными деревянными конструкциями составили здесь 43,2%, погребения с конструкциями ящичного типа – “срубами” – 35,6% от всех погребений (табл. 4).

В Заволжье погребений с теми или иными деревянными конструкциями набралось около 14,8%, со “срубами” – 1,5% от всего количества комплексов (табл. 5).

Уместно отметить и то, что для этих же территорий Поднепровья характерны и все те специфические конструкции, которые встречены на Волге, например, облицовка стен могильных ям (*Отрощенко*, 1981. С. 12).

Соотношение количеств “срубов” в Поволжье, с одной стороны, и на Днепре – с другой (табл. 6), показывает, что территория бассейна Днепра должна быть отнесена по меньшей мере к одному из центров распространения сложных погребальных сооружений из дерева в направлении на восток.

В этой связи выглядит показательным и тот факт, что “срубы” в Поволжье отличаются от “срубов”, например, Северского Донца, примитивностью, сложные соединения деталей для поволжских “срубов” не характерны.

В Заволжье даже при помещении сооружения на древней поверхности бревна нередко клались “внахлест”, без специальных вырезов в венцах, из-за чего к некоторым таким сооружениям приваливались дополнительные бревна (*Аганов*, 1976. С. 18).

Совершенно иная картина в памятниках культуры многоваликовой керамики и в срубной культуре, сложившейся затем на тех же территориях. Отработанность конструктивных решений и тщательность исполнения деталей и узлов отчетливо свидетельствуют о существовании у населения этих территорий развитой традиции и высокой культуры обработки дерева.

Резюмируя рассмотренные факты, можно заключить, что традиции деревянных погребальных сооружений различных типов с наибольшей долей вероятности могли быть унаследованы срубной культурой Поволжья от культур бассейнов Днепра, Донца и Дона и абашевской культуры Приуралья.

Таблица 3. Сравнительная выборка погребений с деревянными конструкциями позднего бронзового века Днепровского Левобережья

Памятник, культура	Курган	Погребение	Сруб	Перекрытие	Источник
Прядовка <i>Раннесрубное</i>	1	1	+ доски	+ кора	<i>Ковалева, Ромашко, Чернявская, Христан, 1981</i>
<i>Срубное</i>	2	1	+ плахи	-	Там же
<i>Срубное</i>		2	+ бревна	+ плахи, кора	Там же
<i>Срубное</i>		3	+ плахи	+ кора, камыш	Там же
<i>Срубное</i>		44	+ плахи	+ плахи	Там же
<i>КМК</i>		55	+ доски	-	Там же
<i>Раннесрубное</i>	3	24	+ плахи	+ кора	Там же
<i>Срубное</i>	4	1	+ плахи	+ кора, трава	Там же
<i>Срубное</i>	4	2	+ бревна	+ плахи	Там же
<i>Срубное</i>		3	+ бревна	+ кора	Там же
<i>КМК</i>		7	+ плахи	+ кора, тростник	Там же
<i>Раннесрубное</i>	5	1	+ бревна	+ плахи	Там же
Преображенка <i>Срубное</i>	1	1	-	-	Там же
<i>Срубное</i>		2	+ плахи	+ плахи	Там же
<i>Срубное</i>		3	+ плахи	+ плахи	Там же
<i>КМК</i>		4	-	-	Там же
<i>КМК</i>		5	-	-	Там же
<i>Срубное</i>	2	1	-	-	Там же
Дмухайловка IX <i>Срубное</i>	1	1		Разрушено	Там же
<i>Раннесрубное</i>	2	1	+ доски	+ плахи	Там же
Дмухайловка IX <i>Срубное</i>	3	1	-	-	Там же
<i>Срубное</i>		2	-	-	Там же
<i>КМК</i>		3	-	+ плахи	Там же

Таблица 3 (продолжение)

Памятник, культура	Курган	Погре- бение	Сруб	Перекрытие	Источник
<i>КМК</i>		4	+	–	Там же
			доски		
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5–а	–	–	Там же
<i>Раннесрубное</i>	5	1	–	–	Там же
	6	1	–	+	Там же
				плахи, камыш	
Дмухайловка X	1	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	+	+	Там же
			плахи	доски	
<i>КМК</i>	2	1	–	+	Там же
				доски	
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
<i>КМК</i>		5	–	–	Там же
Дмухайловка XI					
<i>Срубное</i>	1	1	+	+	Там же
			доски	доски	
<i>Срубное</i>		2	+	+	Там же
			доски	плахи, кора	
<i>Срубное</i>		3	+	+	Там же
			плахи	лаги,	
				циновка	
<i>Срубное</i>		4	+	+	Там же
				доски, кора,	
				циновка	
Дмухайловка XI		8	+ бревна	+	Там же
<i>КМК</i>				горбыли	
<i>Срубное</i>		10	+ бревна	+	Там же
				плахи	
Дмухайловка XII	2	1	–	+	Там же
<i>Срубное</i>				плахи, камыш	
<i>Срубное</i>		2	+	+	Там же
			плахи	доски, кора	
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		4	+ бревна	–	Там же
<i>КМК</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		6	+	+	Там же
			плахи	плахи, камыш	
<i>Срубное</i>	3	1	–	–	Там же
Дмухайловка XIII					
<i>Срубное</i>	2	1	+	+	Там же
			плахи	кора, камыш	
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	3	1	–	–	Там же

Таблица 3 (продолжение)

Памятник, культура	Курган	Погре- бение	Сруб	Перекрытие	Источник
<i>Срубное</i>		4	+	+	Там же
			брус	доски	
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
Дмухайловка XIV	2	1	+	–	Там же
КМК			плахи		
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	+	Там же
				доски, камыш	
КМК		4	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	+	Там же
				плашки	
<i>Раннесрубное</i>		6	+	+	Там же
			плахи	плахи, кора	
<i>Срубное</i>		7	+	+	Там же
			брус	доски, кора	
<i>Срубное</i>		8	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		9	–	+	Там же
				плахи, камыш	
Дмухайловка XV					
<i>Срубное</i>	2	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	+	+	Там же
			доски	доски	
<i>Срубное</i>		3	+	+	Там же
			плахи	плахи, доски	
Котовка I	1	3	+	+	<i>Ковалева, Ромашко, Никулкин, Яремака, 1983</i>
КМК			плахи	доски	
<i>Срубное</i>	4	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		4	+	+	Там же
			плахи	плахи	
<i>Срубное</i>		7	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		8	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		9	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		10	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	10	1	–	+	Там же
				плахи	
<i>Срубное</i>	11	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
КМК		4	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		6	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		7	+	+	Там же
			брус	плахи	

Таблица 3 (продолжение)

Памятник, культура	Курган	Погре- бение	Сруб	Перекрытие	Источник
<i>Срубное</i>		8	+	+	Там же
<i>Срубное</i>		9	+	доски	Там же
<i>Срубное</i>		10	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		11	+	–	Там же
<i>Срубное</i>		13	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		15	+	+	Там же
<i>Срубное</i>		16	+	плахи, кора	Там же
<i>Срубное</i>		17	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	12	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		4	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		7	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		8	+	+	Там же
<i>Срубное</i>		9	брус +	–	Там же
<i>“КМК-срубное”</i>		10	–	–	Там же
<i>КМК</i>		11	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		12	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		13	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	13	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
Котовка II					
<i>Срубное</i>	1	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		4	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		7	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	2	3	+	+	Там же
<i>Срубное</i>		4	бревна +	плахи, кора	Там же
			брус	плахи, камыш	
Заплавка					
<i>Срубное</i>	1	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	4	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>“КМК-срубное”</i>		6	–	+	Там же
				плахи	

Таблица 3 (окончание)

Памятник, культура	Курган	Погребение	Сруб	Перекрытие	Источник
<i>Срубное</i>	5	5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		6	–	–	Там же
<i>КМК</i>		9	+	+	Там же
<i>Срубное</i>		14	–	–	Там же
<i>Раннесрубное</i>		15	+	+	Там же
			доски	плахи	
			бревна	дерево, тростник	
Бузовка XXII					<i>Марина,</i>
<i>Срубное</i>	1	1	–	–	<i>Ковалева,</i>
					<i>Ромашко, 1982</i>
<i>Раннесрубное</i>		4	–	–	Там же
<i>КМК</i>		6	+	+	Там же
Бузовка XXIV					
<i>Раннесруб.</i>	1	1	–	+	Там же
				доски	
<i>Срубное</i>		4	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	4	1	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		5	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	5	1	–	–	Там же
<i>“КМК-срубное”</i>		2	–	–	Там же
Колпаковка					
<i>Срубное</i>	2	1	–	–	Там же
<i>Срубное?</i>		2	–	–	Там же
<i>Срубное</i>		3	–	–	Там же
<i>Срубное</i>	6	1	–	–	Там же

Таблица 4. Сравнительная выборка погребений со “срубами” по Днепровскому Левобережью

Всего погребений	118	100%
Погребений со “срубами”	42	35,6%
В том числе:		
“срубов” с деревянными перекрытиями, в том числе с перекрытиями усложненных конструкций, и сочетающимися с другими материалами	30	25,5%
“срубов” с перекрытиями из коры и камыша, в том числе в сочетании	6	5%
“срубов”, перекрытий над которыми не зафиксировано	6	5%
Погребений без срубов, но с перекрытиями из каких-либо материалов	9	7,6%

Таблица 5. Выборка погребений срубной культуры с территории Заволжья

Всего погребений	1084	100%
Всего с деревянными сооружениями или их отчетливыми следами	около 160	14,8%
Всего со “срубами”	16	1,5%

Таблица 6. Сравнительная таблица погребений с деревянными сооружениями на территориях Волги и Днепровского Левобережья

	Поволжье	Поднепровье
Всего с деревянными конструкциями	15%	43%
Всего со “срубамии”	1,5%	36%

ЛИТЕРАТУРА

- Агапов С.А.*, 1975. Отчет о раскопках // Архив ИА. Р-1. № 5672.
- Агапов С.А.*, 1976. Отчет о раскопках // Архив ИА. Р-1. № 6211.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.*, 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Буров Г.М.*, 1974. Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск.
- Васильев И.Б.*, 1975. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1979. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА. Р-2. № 2252.
- Горбунов В.С.*, 1977. История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Горлач Н.В.*, 1979. Памятники культуры многоваликовой керамики в междуречье Орели и Самары // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк.
- Городцов В.А.*, 1907. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Тр. XIII АС. М.
- Евдокимов Г.Л.*, 1977. Курганы эпохи бронзы Верхнетарасовского могильника // Курганы эпохи бронзы юга Днепропетровщины. Киев.
- Жигулина Л.Н.*, 1976. Отчет о раскопках // Архив ИА. Р-1. № 5820.
- Жигулина Л.Н.*, 1977. Отчет о раскопках // Архив ИА. Р-1. № 6636.
- Зудина В.Н., Скарбовенко В.А.*, 1985. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев.
- Качалова Н.К.*, 1965. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. Вып. 5.
- Качалова Н.К.*, 1976. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 17.
- Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шалобудов В.Н.*, 1978. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза “Самарский” // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Днепропетровск. Вып. 2.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А.*, 1979. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск. Вып. 1.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Николкин И.В., Яремака В.Н.*, 1983. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М.*, 1981. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.
- Кореневский С.Н.*, 1977. О древнем металле бассейна р. Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. № 46.
- Кузьмина О.В.*, 1979. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья: Науч. тр. КГПИ. Куйбышев. Т. 230.

- Мажанова И.Н.*, 1976а. Отчет о раскопках курганной группы у Пятого отделения совхоза им. Кирова Куйбышевской области в 1975 году // Архив ИА. Р-1. № 5397, 5397 "А".
- Мажанова И.Н.*, 1976б. Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области // Архив ИА. Р-1. № 6203.
- Максимов Е.К.*, 1956. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш, Саратовской области // Археологический сборник: Тр. Саратовского областного музея краеведения. Саратов. Вып. 1.
- Марина З.П., Ковалева И.Ф., Ромашко В.А.*, 1982. Курганы эпохи бронзы у с. Колпаковка-Бузовка // Древности степного Поднепровья (II-I тыс. до н.э.). Днепропетровск.
- Мерперт Н.Я.*, 1958. Из древнейшей истории Среднего Заволжья // МИА. № 61.
- Мерперт Н.Я.*, 1961. Абашевские курганы Северной Чувашии: (раскопки 1957–1958 гг.) // МИА. № 97.
- Монгайт А.Л.*, 1974. Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М.
- Отрощенко В.В.*, 1981. Срубная культура Степного Поднепровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
- Писларий И.А.*, 1975. О двух культурно-хронологических группах бассейна Северского Донца // Новейшие открытия советских археологов. Киев. Ч. I.
- Писларий И.А.*, 1976. Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры // Открытия молодых археологов Украины. Киев. Ч. I.
- Попова Т.Б.*, 1953. Керамика Мелекесских курганов // Тр. ГИМ. Вып. XXII.
- Пряхин А.Д.*, 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пустовалов С.*, 1979. К сложению культуры многоваликовой керамики в степном Поднепровье // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк.
- Пятых Г.Г.*, 1984. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. № 2.
- Сагайдак В.И.*, 1979. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древняя история Поволжья: Науч. тр. КГПИ. Куйбышев. Т. 230.
- Синицын И.В.*, 1947. Археологические раскопки в Нижнем Поволжье // Учен. зап. СГУ. Саратов. Т. XVII.
- Синицын И.В.*, 1958. Памятники родового общества степей Заволжья // Учен. зап. СГУ. Саратов. Т. LXVI.
- Синицын И.В.*, 1959. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. № 60.
- Синицын И.В.*, 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. № 78.
- Скарбовенко В.А.*, 1981. Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Смирнов К.Ф.*, 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60.
- Смирнов К.Ф.*, 1960. Быковские курганы // МИА. № 78.
- Телегин Д.Я., Братченко С.Н.*, 1977. Материалы раннего энеолита, погребения ямной и катакомбной культур // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
- Телегин Д.Я., Братченко С.Н., Смирнов С.В.*, 1977. Вильно-Грушовская курганная группа и курган на территории Запорожской опытной сельскохозяйственной станции // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев.
- Тихомолова И.Р.*, 1976. Отчет о раскопках в Безенчукском районе Куйбышевской области в 1975 году // Архив ИА. Р-1. № 5672.
- Чернявская В.В.*, 1979. Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Днепропетровск. Вып. 3.